

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

EX LIBRIS

Уникум Соколовского

Главный роман известного пермского писателя опубликован посмертно

Юлия Баталина

Н о в Перми трудится его коллега, земляк и полный тёзка — председатель Пермского отделения Союза писателей России Владимир Якушев. Мало кто знает, что Соколовский — это псевдоним, благодаря которому в пермской литературе не было двух Владимиров Якушевых. Их нетрудно было бы перепутать! Оба Владимира родом из Добрянского района и знакомы давным-давно, ещё с тех пор, как Якушев-младший был редактором районной газеты. Когда он прочитал «Уникум Потеряева», то дал слово Владимиру Григорьевичу его опубликовать. И слово сдержал: книга опубликована недавно в Перми в полном объёме — более 500 страниц очень убористым шрифтом: Якушев экономил, средств гранта краевого минкульта едва хватило на предпечатную подготовку.

Первое впечатление после начала чтения: да не может этого быть! Таких книг сейчас не пишут. Во всяком случае, не в Перми. Нет в наше время и в наших местах настолько профессионального писателя, который смог бы так хитроумно завернуть множество сюжетных линий; придумать, оживить, индивидуализировать и наделить биографиями такое количество персонажей; так ловко и естественно пользоваться народным языком; так тонко соединить прозу жизни и фантастику. Алексей Иванов не в счёт — он уже российский.

Подзаголовок книги — «Провинциальная идиллия». Поначалу он воспринимается как горькая ирония: события в книге далеки от идиллических.

Начинается всё с таинственного письма, написанного в 1920-х годах и адресованного боевой комсомолкой своей подруге. В письме говорится о фамильном кладе и о том, что ключ к кладу содержится в портрете помещицыной дочки, написанном её небогатым поклонником. Найдено письмо в самые «лихие» годы — начало 1990-х, российская провинция устаёт подсчитывать инфляционные миллионы и реально голодает. Возможность заполучить помещицыны сокровища сводит с ума всё больше людей, волею случая подключающихся к поискам клада. Симпатичных среди них немного —

Владимир Соколовский, который в 1970-1980-е годы был одним из самых многообещающих писателей Перми, в 1990-е вдруг замолчал. Казалось — навсегда. Виной тому тяжёлая болезнь, с трудом перенесённая операция шунтирования, очень медленная реабилитация. Мало кто знал, что на протяжении последних 20 лет он продолжал писать и даже публиковаться. Роман «Уникум Потеряева» — огромная и очень важная для автора книга — потребовал много сил и времени. Фрагменты из него публиковались в журналах и сборниках, но целиком его не осилило ни одно издательство. Соколовский разослал рукопись в 50 адресов — безрезультатно. Может быть, невозможность обнародовать главный труд жизни окончательно подорвала изношенное сердце, и Соколовский умер в 2011 году. Ему было 66 лет.

герои романа вызывают то ужас, то брезгливость. А если и попадают милье люди — тут же гибнут или, в лучшем случае, умирают своей смертью.

Обстановка — соответствующая. Слово сочетание «лихие девяностые» — штамп из разряда самых вульгарных, но тут он более чем уместен, потому что их «лихость» прописана Соколовским во всей убийственной смачности, так что чтение порой становится совсем неприятным. Какая уж тут идиллия. Но...

Роман этот — в некотором смысле сказка. А сказка, даже страшная, заканчивается позитивно и обязана содержать мораль. Поэтому независимо от судьбы клада судьбы его искателей более или менее складываются. Пусть не все получают по заслугам, но все горести и трагедии растворяются в неторопливой, хоть и насыщенной страстями провинциальной среде, как круги от камня, брошенного в стоячую воду. Такова природа провинции: она всё принимает, всех адаптирует — и гордую осетинку, и экспансивную португалку, и простодушного африканца.

Постепенно бурные переживания, вызванные помещицыным кладом, успокаиваются, каждый из кладоискателей что-то получает: кто — супруга, кто — ребёнка, кто — новую родину, а кто — мгновенную гибель. Полная идиллия.

Екатерина Соколовская, вдова писателя, считает, что этот роман лучше всего обозначается термином «мениппея», и она по-филологически права. Этот термин придуман Михаилом Бахтиным для обозначения жанра романов вроде «Гаргантюа и Пантагрюэля» или «Мастера и Маргариты» — многофигурных сатирических романов, полных гротеска и эксцентричных персонажей. К «Уникуму Потеряева» это определение под-

мин придуман Михаилом Бахтиным для обозначения жанра романов вроде «Гаргантюа и Пантагрюэля» или «Мастера и Маргариты» — многофигурных сатирических романов, полных гротеска и эксцентричных персонажей. К «Уникуму Потеряева» это определение под-

К многочисленным достоинствам книги, вышедшей в спешно открытом издательстве «Пермский писатель», нужно добавить и оформление, в котором столь уместны произведения пермских художников Елены Кудрявцевой, Ольги Субботиной и Михаила Павлюкевича. А недостаток лишь один, но существенный: книга вышла тиражом в 150 экземпляров, так что немногие смогут поддержать её в руках. Впрочем, Екатерина Соколовская и Владимир Якушев не намерены на этом останавливаться и ищут возможность для полноценного тиража.

ходит идеально: персонажи здесь один другого карикатурнее, а фантастика так затейливо вписана в реальность, как будто она и сама часть реальности.

Особое наслаждение — язык персонажей: это не стилизация, а живой диалект. Чего стоит хотя бы знаменитое словечко «мо», которое жители Потеряевки и Малого Вицына щедро добавляют в речь. Любимое слово тысяч пермских бабушек, приехавших в город из губернских деревень...

Соколовский, похоже, не стремился сделать место действия своего романа похожим на Пермский край: в нём нет ничего специфически уральского, речь идёт об обычной русской провинции. Но каждый пермяк, читая разговоры его персонажей, почувствует что-то глубоко родное.

Конечно, роман, несмотря на то что работа над ним шла годы, местами сыроват: иногда многословен, иногда сюжетные линии обрываются... Возможно, проживи его автор дольше, мы увидели бы иную окончательную редакцию. Но и то, что есть, — это сокрушительно большая литература. ■

